

К АНТИЧНЫМ ИСТОКАМ
АРМЯНСКОЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

(по археологическим данным)

Г. А. ТИРАЦЯН

Одним из самых значительных феноменов древнеармянской культуры безусловно можно считать ее раннесредневековое выражение (V—VII вв. н. э.). Некоторые аспекты раннесредневековой культуры Армении—архитектура, стенопись—падают на уровне современных им мировых стандартов, а в ряде случаев превосходят их. Отсюда пристальное внимание исследователей к памятникам культуры Армении раннего средневековья. В этом плане немаловажное значение приобретает вопрос об основах этой культуры, правильный ответ на который облегчит ее более точное понимание и осмысление.

Раннесредневековый период зажат между концом античной городской жизни, приходящимся на III—IV вв. н. э., и началом градостроительной деятельности развитого средневековья (IX—X вв.). Политическая и социальная жизнь страны, экономика и хозяйство и, конечно, культурная деятельность, сконцентрированные в городах, после их упадка в начале раннего средневековья стали развиваться в крепостях, храмовых центрах, поселениях. Это рассредоточение творческих сил имело и положительную сторону, оно больше поощряло творческую свободу, нашедшую свое выражение, например, в архитектуре, где в силу этих и других обстоятельств происходит разработка огромного количества разнообразных архитектурных типов.

При всей невязке облика раннесредневековой материальной культуры и цивилизации она имеет определенную связь с предшествующим античным периодом, обнаруживаемую в археологическом материале—в керамике, стекле, в коммунальной технике (бани), производственных сооружениях (виноградные давильни), а также в искусстве и архитектуре.

Керамика раннего средневековья быстро видоизменялась. Керамические наборы IX в. уже достигают полной самостоятельности типов и оригинальности форм. Тем не менее некоторые типы карасов, горшков, кувшинов, чаш, известные главным образом по раннесредневековым раскопкам Двина и Ошакана, напоминают античную керамику. Связи наблюдаются в отдельных деталях, формах ручек, наличии носкообразных сливов или высоких круглых ножек, во внешней отделке посуды (ангоб, лощение), отдельных орнаментальных мотивах (елочный вырезной орнамент) и т. п.¹ К античности примыкает и черепица V—VI вв.,

¹ У. У. Քալանթարյան. Դժինի նյութական ճշգրտված IV—VII դդ. Երևան, 1970, աղ. XXVI, 5—11, XXXII, XXXVI, 2; նույնի՝ Դժինի 1978—79 թթ. պեղումները.—ՀՍՍՀ ԳԱ «Իրարեբ հաս. դիտ.» 1982, № 2, էջ 62; Կ. Գ. Ղաֆադարյան, Ա. Ա. Քալանթարյան. Դժինի 1975—1976 թթ. պեղումները.—նույն տեղում, 1978, № 2, աղ. II, 1; Ա. Ա. Եսայան, Ա. Ա. Քալանթարյան. Օշականի վաղ սրճնադարյան բնակավայրը.— նույն տեղում, 1978, № 3; Ժ. Դ. Խաչատրյան, Ա. Գ. Կանեցյան. Արտաշատի 8-րդ դրի շերտազրոյթները.—նույն տեղում, 1974, № 9, աղ. II, III:

известная по раскопкам Двина и Ошакана². Она напоминает хорошо выработанные формы черепицы первых веков н. э. из Мцхеты³, с суживающимся концом и срезанными в этой же части бортиками.

Долгое время покрытая глазурью керамика считалась монополией развитого средневековья. Археологические раскопки опровергли эту точку зрения. Поливная керамика, правда несколько отличного типа, стала поступать из раннесредневековых слоев (Двин, Ошакан, Айгеван), но не только из них. В античных памятниках Армении—в Армавире, Арташате, Ширакаване и др.—археологи нашли значительное количество поливной керамики, обычно одноцветной⁴. Оказалось, что раннесредневековое производство поливной керамики своими корнями уходит в античный период.

Хотя раннесредневековое *стеклоделие* Армении стало приспособляться к новым требованиям и к новой моде, стеклоделы еще долго, во всяком случае до VI—VII вв., придерживались классических пропорций римского стеклоделия⁵. Колбовидные сосуды с раздутым или грушевидным туловом, длинной узкой шейкой со срезанным венчиком, шаровидные сосуды без ручек, чашевидные сосуды, полушаровидные, украшенные шлифованными фасетками, многогранные сосуды, образцы мозаичного стекла⁶—все это хорошо иллюстрирует преемственную связь между двумя культурами.

За последние годы умножились обнаруженные памятники *коммунальной техники* Армении. Раскопки выявили четыре античные бани, одну в крепости Гарни, другую в цитадели города Валаршапат, две—на восьмом холме вышгорода Арташата⁷. Их объединяют общие черты: это крепостные бани, предназначенные для ограниченного числа людей. Занимают они сравнительно небольшую площадь и состоят из немногих помещений. Самой примечательной их чертой является система отопления, действующая при помощи обогрева подпольного пространства бани. В подогреваемых комнатах выявлены два пола, верхний из которых держался на специально расставленных на нижнем полу опорах в виде скрепленных раствором круглых или квадратных обожженных кирпичей, круглых или прямоугольных в сечении глиняных труб или просто каменных стоек. Образованное так подпольное пространство сообща-

2 В. У. Եւստիւն, Ա. Ա. Քալանթարյան. Եզլ. աշխ., էջ 90:

3 А. М. Апакидзе. Города древней Грузии. Тбилиси, 1968, рис. 19, 20.

4 Ժ. Դ. Խաչատրյան. Հայաստանի անտիկ շրջանի ջնարակած խեցեղենը.—«Պատմա-բանասիրական հանդես», 1977, № 3:

5 Զ. Մ. Ջանիբեկյան. Դվինի միջնադարյան ապակին IX—XIII դդ. Երևան, 1974, էջ 15:

6 Ա. Ա. Քալանթարյան. Իվինի նյութական մշակույթը IV—VIII դդ. Երևան, 1970, աղ. XXIII, 1—5, XXIV, 2—6, 14, 20, XXXIX, 1—6: Նույնի՝ Դվինի կենտրոնական թանաքատի 1971—1973 թթ. պեղումները.—ՀՍՍՀ ԳԱ «Լրաբեր հաս. դիտ.» 1975, № 7, աղ. II, 1: Նույնի՝ Դվինի հնագիտական արշավախմբի աշխատանքները 1977 թ.—«Պատմա-բանասիրական հանդես», 1979, № 2, աղ. I, 3, 4, աղ. II, 1, 4: Об античных прототипах см. Б. Н. Аракелян, Г. А. Тирацян, Ж. Д. Хачатрян. Стекло древней Армении. Ереван, 1969.

7 Г. А. Тирацян. Памятник коммунальной техники древней Армении—античная баня в Гарни.—Историко-филологический журнал. 1959, № 2—3; он же. К вопросу о градостроительной структуре и топографии древнего Валаршапата.—Там же, 1977, № 2, с. 85—88; Б. Н. Аракелян. Заметки о водоснабжении в банях городов древней Армении.—Вестник обществ. наук АН АрмССР, 1979, № 10.

лось с топкой, откуда горячий воздух, дым распространялся по всему подполью, а затем, как правило, путем естественной тяги уходил через вделанные в стену трубы наружу.

Бани, обогревавшиеся по этому принципу, известны на всей территории Римской империи. В первые века н. э. калориферная система отопления была завезена в Армению и Закавказье. Воплощенные в античных банях Армении традиции древней коммунальной техники оказались очень живучими в последующий период. Археологическое исследование средневековых бань в Звартноце, Ани, Амберде, Двине, Татеве показывает, что во многих из них обогрев также осуществлялся посредством топки, сообщающейся с подпольным пространством бани. Раннесредневековая баня в Звартноце занимает восточную часть южного крыла патриаршего дворца. По системе обогрева она сходна с античными банями Армении. Сооружение состояло из двух предбанников, топки с помещением хозяйственного назначения за нею и большого отапливаемого помещения. Здесь хорошо виден уровень несохранившегося верхнего пола, пространство под которым сообщалось с топкой. Не сохранились и столбики, подпирающие плиты пола, зато видны вделанные в пилоны помещения дымоотводные трубы, по которым горячий воздух и дым из топки, подогревающие пол, выходили наружу⁸.

Найденные в раннесредневековых памятниках отдельные звенья водопроводных труб или целые разветвленные водопроводные системы, какие были раскрыты, например, в Двине⁹, безусловно восходят к античным образцам, один из которых раскопан в крепости Гарни; он воплощает в себе лучшие достижения древней коммунальной техники¹⁰.

Наличие *виноградных давилен* в античной Армении стало подтверждаться также археологическими раскопками. Давильни относятся в основном к эллинистическому времени, две из них датируются второй половиной или концом III в. н. э.¹¹ Представлены они двумя основными типами. Один тип состоит из каменной плиты (тарапана) для выжимания винограда и чана или глиняного сосуда, куда стекало сусло. Второй тип имеет вид специальной постройки, отдельной или входящей в подвальную часть здания. Постройка состояла из давилной площадки и специального сосуда для сбора сусла. Традиция обработки винограда, засвидетельствованная археологически еще для урартского времени, естественно, должна была продолжаться в раннем средневековье, что подтверждается наличием первоклассного винодельческого комплекса в Звартноце, находками в Егварде и др.

Изучение давилен Звартноца ясно показывает их античные истоки. Большие огороженные давилные площадки, покрытие слоем цымянки, гармонируют с глубокими добротными цистернами, круглыми или прямоугольными в плане, для приема сусла. Детали—хорошо оформленный каменный слив, обращенный в сторону цистерны, специальное углубление на дне цистерны, где скапливались разные осадки, оштукату-

⁸ У. Ю. Մնացականյան. Հվարթնոցը և նույնատիպ հուշարձանները. Երևան, 1971, էջ 236—238.

⁹ Ա. Կ. Քալանթարյան. Գոթերի նույնական մշակույթը IV—VIII դդ. Երևան, 1974, աղ. XI, XII.

¹⁰ Б. Н. Аракелян. Заметки о водоснабжении и банях..., рис. 1, 2.

¹¹ Ի. Ն. Առաքելյան, Գ. Հ. Կարախանյան. Գոթեր III. Երևան, 1962, էջ 37—38; Գ. Քալանթարյան. Գլխինից հայտնաբերված արտադրական նշանակութիւն սալ.—ՀՍՍՀ ԳԱ «Արաբեր հաս. գիտ.», 1978, № 2; Գ. Ա. Տիրացյան, Ի. Ա. Կարապետյան. Արմավիրի 1977—1978 թթ. պեղումները.—«Պատմա-բանասիրական հանդես», 1979, № 4, նկ. 1, 2, 3:

ренные стены цистерны, сложенные из хорошо обработанных туфовых квадратов, — также напоминают лучшие примеры виноградных давлений античного мира, известные по раскопкам в Северном Причерноморье¹², а по некоторым признакам даже превосходят их. Звартноцская давяльня VII в. позволяет ретроспективно постулировать наличие давлений такого же характера и в античной Армении.

Появление *стенописи, мозаики* в эпоху раннего средневековья, тем более на культовых памятниках, создавало впечатление об обязательной связи ее с новой религией. Отчасти это впечатление верно, но только отчасти. Сейчас ясно, что указанные виды монументального искусства имеют более давнюю историю, начинающуюся по крайней мере в античный период.

Такая ветвь античного монументального искусства, как мозаика, засвидетельствована в Древней Армении благодаря археологическим раскопкам. Скучные остатки галечной мозаики эллинистического времени известны в Армавире, мозаичный пол III в. н. э. раскрыт в крепостной бане Гарни. Некоторые неопределенные данные имеются о мозаике, украшавшей некогда полы царского дворца античного Валаршапата. Наличие мозаики в раннесредневековой Армении показали раскопки в Двине, Звартноце, а также Эчмиадзине. Так, на полу кафедрального собора в Двине в разное время были обнаружены остатки мозаик с изображением Богоматери (начало VII в.) и с геометрическими узорами (V в.)¹³. В отличие от античных образцов, здесь наряду с каменными найдены в большом количестве стеклянные мозаичные кубики. Появление смальтовой мозаики, по-видимому, относится к VII в. н. э. и в известной мере связано с дальнейшей активизацией местных стеклодельных мастерских¹⁴.

О том, что стены зданий античной Армении украшались стенописью, уже имеются документальные данные. Остатки краски красного цвета сохранились на стенах дворцового здания в Гарни. Многочисленные фрагменты разноцветной штукатурки были извлечены из культурных слоев города Арташата. Естественно, что эта традиция росписи стен продолжалась в раннесредневековое время.

Остатки фресок имеются и на самых ранних памятниках IV—VI вв., но лучше они сохранились на храмах VII в. Это очень интересная группа росписей (Лмбат, Аруч, Талин и др.), объединенная и стилистическими особенностями — по мнению Л. А. Дурново, в ней «ясно видна эллинистическая струя, истоком которой служат пока рельефы Гарни и отчасти рельефы стел, но несомненно выявляются и последующие этапы, струя, связывающая эти памятники с памятниками этого же времени и за пределами Армении»¹⁵. Не вдаваясь в подробности стиля фресок, укажем на орнаментальный фриз из Аруча, на который впервые обратила внимание Л. А. Дурново. Пышные аканфовые листья, исполненные очень широким свободным приемом, самый характер их

¹² В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре.—Материалы и исследования по археологии СССР. 85. М.—Л., 1958.

¹³ Ա. Ա. Քալանթարյան. Եզի. աշխ., աղ. 42: 4. 9. Ղաֆաղարյան. Դժին քաղաքը և նրա պեղումները. 3. 2, Երևան, 1982, նկ. 7:

¹⁴ Հ. Մ. Զանգրայան. Եզի. աշխ., էջ 41: 4. 9. Ղաֆաղարյան. Դժին քաղաքը և նրա պեղումները. 3. 1, Երևան, 1952, էջ 97—98:

¹⁵ Л. А. Дурново. Краткая история древнеармянской живописи. Ереван, 1957, с. 13.

рисунка сближает эту роспись с резными карнизами гарнийского античного храма¹⁶.

Раннесредневековые *рельефы* по своим изобразительным принципам частично восходят к перекликающимся с парфянским искусством фронтальным решениям античных терракотовых статуэток Армении. И там и тут фигуры изображены строго в фас в застывшей позе. Еще их объединяет линейный стиль и некоторая «спиритуальность», присущая, как известно, парфяноким памятникам¹⁷.

Для некоторых — большей частью равнинных — городов Двуречья, Ирана и Средней Азии парфянского и сасанидского времени характерны *оборонительные сооружения*, образующие полный круг или же имеющие округлые формы. Такими городами были Хатра и Ктесифон в Двуречье, Фирузабад, Дарабгирд, Фрааспа (Тахт-и Сулейман) в Иране, Мерв в Средней Азии. В равнинных местностях такая форма фортификационных сооружений облегчает оборону города, поэтому нет ничего невероятного в том, что античный Валаршапат мог иметь крепостные стены, планировка которых приближается к кругу, хотя ряд фактов как будто противоречит такому предположению. Например, на плане поселения Ваваршапат, составленном в 1827 г. и изданном недавно О. Х. Халпахчьяном, имеются указания на прямоугольную конфигурацию оборонительных стен города, но не исключено, что эти стены относятся к его цитадели.

В этой связи большое значение должно иметь то обстоятельство, что вблизи Валаршапата в 40-х годах VII в. было заложено круглое в плане поселение. Это — поселение городского типа Звартноц, о существовании которого мы знаем из письменных источников (Себеос. История. Гл. 33; Ованес Драсханакертци. История Армении, с. 88), а также по археологическим данным. В ходе раскопок 1931 г. на расстоянии 0,5 км от развалин храма Звартноц были раскрыты части массивной стены (ширина 1,86 м), облицованной с обеих сторон хорошо обработанными туфовыми камнями. Стена, доследованная в 50-х годах С. Х. Мнацаканяном, по его устному сообщению образует вписывающийся в круг многогранник с поперечником в 1 км; в юго-восточной части ее выявлены ворота.

Прежде чем перейти к архитектуре, коснемся вкратце *мемориальных памятников* раннесредневековой Армении, обнаруживающих, как показал С. С. Мнацаканян, определенные следы античных и более древних традиций¹⁸. Стелы на кубовидных основаниях, памятные колонны, увенчанные статуями, четырехколонные композиции, подземные и надземные, в том числе башнеобразные, двухъярусные усыпальницы, распространенные в античном мире, продолжают жить в раннесредневековой Армении. Некоторые из этих памятников, имея древнейшие корни, видоизменились и обогатились в античное время. Другая часть мемориальных памятников античного времени засвидетельствована вне Армении, в прочих восточных провинциях Римской империи, главным

¹⁶ Там же, с. 12.

¹⁷ Г. А. Кошеленко. Культура Парфии. М., 1966, с. 178—179; Ж. Д. Хачатрян. Об античной коропластике Армении. — Вестник древней истории. 1979, № 3, с. 102.

¹⁸ С. С. Мнацаканян. Античные традиции в композиции мемориальных памятников раннесредневековой Армении. — В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978; ն ու յ ն հ՝ Հաւիտեան մասն միջնադարեան մեմորիալ հուշարձանները. Երևան, 1982:

образом в Сирии (колонные памятники над склепами, четырехколонные композиции типа павильона или балдахина, башнеобразные двухъярусные усыпальницы и др.). Изучение мемориальных памятников, этого интересного раздела раннесредневековой культуры Армении, выявляет со всей несомненностью влияние античного наследия.

Что касается *архитектуры*, то еще Торос Тораманян, а затем Каро Кафадарян и Александр Саинян высказывали предположение о языческом, античном происхождении некоторых христианских храмов Армении. Изыскательская работа, проводимая в целом ряде случаев на месте (Теко́р, Дираклар, Двин, Касах, Эчмиадзин), сопровождалась анализом текстов средневековых историков.

Изучение теко́рского храма позволило Т. Тораманяну восстановить первоначальный, дохристианский облик храма с прямоугольным завершением с восточной стороны¹⁹. Аналогичная работа была проведена К. Г. Кафадаряном в Двине; выяснилось, что алтарная апсида, датируемая IV или IV—V вв., не принадлежит первоначальному зданию, а является более поздним дополнением к нему. Об этом говорят и не связывающиеся друг с другом следы росписей на камнях, которые, по всей вероятности, датируются античным временем и использованы здесь вторично²⁰. К таким же выводам пришел А. А. Саинян относительно Касахской базилики, где были найдены следы первоначальной языческой бемы в западной части храма²¹. Заслуживает внимания и предположение Н. М. Токарского о существовании в Армении античных купольных прототипов (святителя типа «купол на кубе») для раскопанного им в Вохчаберде и реконструированного купольного храма V в.²²

Из свидетельств раннесредневековых историков об использовании языческих построек для нужд христианской веры особенно бросается в глаза сообщение Зеноба Глака о церкви на месте разрушенного языческого храма неподалеку от Аштишата, сохранившей его прямоугольную композицию, с тем отличием, что алтарь с запада был перенесен на восток (Зеноб Глак. История Тарона, с. 33—35). Продолговатые однефные здания, их плановые принципы использовались на первых порах торжествующей в стране религией и послужили отправной точкой для раннесредневековой архитектуры, в чем их большая ценность.

Неожиданный аспект преемственной связи был выявлен архитектором К. К. Кафадаряном. Основываясь на планово-композиционных особенностях раннесредневековых дворцов армянских католикосов в Двине и Аруче (в центре колонный зал с двумя рядами колонн, по три или четыре в каждом, с примыкающими к залу жилыми и прочими помещениями), он пришел к выводу об их типологической связи с урартскими дворцовыми сооружениями (западная цитадель города Аргштихинили, город Русахинили—Бастам). Хронологический разрыв между урартскими и раннесредневековыми памятниками очень велик — около 1400 лет. Но его уже сейчас удалось сократить на 200 лет благодаря раскопкам в Двине (А. А. Калантарян) более раннего, но сходного дворцового комплекса. К тому же вполне вероятно, что в античной дворцовой архитектуре Армении существовали связующие звенья, о чем

¹⁹ Քոռոս Թորամանյան. Տեկորի տաճարը. Նյութեր հայկական ճարտարապետության պատմության հ. 1, Երևան, 1942, նկ. 110:

²⁰ Կ. Գ. Ղաֆարյան. Դրոյն քաղաքը և նրա պեղումները. հ. 1, էջ 91—92:

²¹ Ա. Ա. Սահիեյան. Քասախի բազիլիկան. Երևան, 1955, էջ 233—234:

²² Н. М. Токарский. Джрвез II, Вохджаберд. Результаты раскопок 1958—1962 гг. Ереван, 1964, с. 66—67.

могут свидетельствовать раскопки Ширакавана (Ф. И. Тер-Мартirosов), где имеется колонный зал, правда меньших размеров.

Дальнейшим развитием *сводчатых* помещений античного времени (целла античного храма, зал приемов Аршакидского дворца и здание бани в Гарни) следует считать общеизвестные раннесредневековые сводчатые решения. Деревянные плоские перекрытия первых армянских церквей быстро заменялись каменными сводчатыми перекрытиями, зафиксированными на одной из древнейших христианских усыпальниц Армении в Ахце, датируемой IV в. н. э. До того как на смену своду пришел купол, сводчатое перекрытие стало универсальным для памятников раннего средневековья. Им пользовались и гражданские здания (Звартноц, дворец—зал приемов).

В связи с вопросом о зависимости ранних культовых сооружений Армении—базилик, от сирийских образцов напрашивалось выведение армянского сводчатого перекрытия из сводчатых базилик Сирии. И. Стржиговецкий как раз считал его заимствованным в V в. из Месопотамии и Малой Азии²³. Однако и тут не следует недооценивать наследия армянской античности. Сводчатые перекрытия разрабатывались в Армении в первые века н. э. Крепость Гарни стала одним из строительных полигонов античной Армении, где испытывались каменные своды.

Вопреки общепринятому мнению о плоском деревянном перекрытии целлы лежавшего в развалинах гарнийского храма, А. А. Саинян доказал наличие каменного свода²⁴, что позволило ему восстановить храм в натуре. На основе изгиба верхнего ряда кладки северной и южной стен был установлен цилиндрический характер перекрытия. Сохранились камни пяты свода вдоль верха восточных и западных стен целлы. Следует еще упомянуть камень, по которому восстановлено световое отверстие на вершине свода, а также отдельные его камни с характерным изгибом.

Сводчатое перекрытие имели, кроме храма, большой зал и баня, входящие в дворцовый комплекс Гарни. Зал с восемью массивными пилонами был разделен в продольном направлении на две равные части. Пилонам соответствовали у восточных и, вероятно, западных стен зала пиллястры, на которых некогда покоились арки, служившие основой сводчатого перекрытия здания²⁵. Помещения бани, их прямоугольная часть, была покрыта цилиндрическими сводами, о чем может свидетельствовать имеющий характерный изгиб оштукатуренный фрагмент свода, найденный в развалинах бани, а полукруглые апсиды с южной стороны увенчивались конхами²⁶.

Говоря об *архитектурном убранстве, архитектурных деталях, строительной технике*, также нельзя обойти античное наследие. В последние годы хорошо выделяется определенный тип баз V в. Это большие базы с квадратным основанием, на котором лежит круглая приплюснутая, но довольно толстая подушка. По углам они имеют характерные треугольные выступы с бороздками. Встречаются такие базы в нововыявленном хорошо датируемом дворце в Двине, в Звартноце, Егварде и

²³ А. А. Саинян. Гарни—Гегард. Ереван, 1978, с. 28.

²⁴ Там же, с. 28; Նոսյնի Գաննիի անտիկ տաճարի վերակազմության գիտական հիմունքները.—«Մատթա-բանասիրական հանդես», 1979, № 4; Նոսյնի Անտիկ դարաշրջանի բարակերտ թաղ Գաննիում.—նույն տեղում, 1976, № 1:

²⁵ А. А. Саинян. Гарни—Гегард, с. 26, там же план.

²⁶ Там же, с. 31.

Агараке²⁷. Очень вероятно, что они типологически восходят к так называемым торовидным базам античной Армении. Относящиеся к восточному ордеру, эти базы в свою очередь через посредство Ахеменидов восходят к переднеазиатским ассиро-урартским прототипам²⁸.

Обнаруженные за последнее время во внушительном количестве торовидные базы, состоящие из прямоугольной плиты с бочковидной подушкой (Арташат, Ширакаван, Двин)²⁹, не оставляют никакого сомнения в том, что не ахеменидские, персидские прототипы³⁰, а именно найденные на территории Армении античного периода легли в основу раннесредневековых баз V в. Другая разновидность раннесредневековых баз Армении восходит к базам аттического профиля, засвидетельствованным в Гарни и Двине.

Отзвуками античной строительной техники в раннесредневековой архитектуре следует считать строительные приемы, наблюдаемые в Багаване и Агараке³¹. Применение крупных тесаных каменных блоков, которые несли основную нагрузку, напоминает сухую кладку античных монументальных построек.

Дворцы армянских царей первых веков н. э. не сохранились, но об их существовании в Валаршапате и Мцурне имеются письменные данные, слишком скудные, однако, для восстановления архитектуры этих дворцов. Заманчиво усмотреть в них здания, близкие по облику соответствующим постройкам Двуречья первых веков н. э. (Хатра, Ашшур). Конечно, не может быть и речи о какой-либо планово-композиционной общности: указанные памятники следуют архитектурным принципам парфянского Двуречья, принимавшим за основу айван—открытый с одной стороны зал, чуждый армянской архитектуре всех времен. Зато наружное обрамление фасадов, сочетавшее завершающиеся полукруглыми арками проемы с пристенными колоннами, часто парными³², явно напоминает экстерьеры армянских раннесредневековых памятников. Поэтому, не отрицая возможности прямого воздействия построек Двуречья, возможно допустить и опосредствованное влияние через дворцы и храмы, воздвигнутые с конца I в. н. э. в Мцурне и со II в. в Валаршапате, не говоря уже о сооружениях Арташата, возрожденного в I в. н. э. усилиями армянского царя Тиридата.

Роль античной культуры Армении в формировании армянской раннесредневековой архитектуры—это прежде всего роль античности первых веков н. э. Общеизвестно, что собственно эллинистический период, т. е. III—I вв. до н. э., ознаменовался в Армении небывалым политическим взлетом, удивительным развитием социально-экономической и

²⁷ А. А. Калантарян. Новые материалы о дворцах раннесредневековой Армении.—II Международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван, 1978, с. 4—5.

²⁸ И. Пичикян. Традиции Востока в древнеармянской архитектуре.—II Международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван, 1978, с. 6, 10.

²⁹ Г. А. Тирация. Города Армении эллинистического времени в свете археологических исследований.—Вестник древней истории. 1979, № 2, с. 173.

³⁰ В. М. Арутюнян. Архитектура патриаршего дворца в Двине.—Труды Ереванского политехнического института. Ереван, 1974, с. 156.

³¹ Н. М. Токарский. Архитектура Армении IV—XIV вв. Ереван, 1961, с. 172; *Ա. Տ Ե Ր-Մ Կ Ե Ն Ս Ո Ղ Ի Ն. Ազարազի ճիւղի միջին դարերի համալիրը*.—ՀՄՄՀ ԳԱ «Արարիկ» հաս. գիտ., 1979, № 7, էջ 73, նկ. 2, 4:

³² Г. А. Кошеленко. Указ. соч., с. 138.

культурной жизни страны. Достаточно сказать, что за отмеченный период было основано около двух десятков городов, и среди них довольно значительные. И хотя «внешние» показатели страны в первые века н. э. менее броские (городов в это время было основано всего три, армянские Аршакиды не имели такого основания хвастать своими внешнеполитическими успехами, какое было у их предшественников Арташесидов, и т. д.), но по существу в стране шел процесс интенсификации во всех областях жизни. Целый ряд отраслей производства приобретает массовый характер. Налицо новые поиски в строительной деятельности и инженерной мысли. Следовательно, культуре Армении первых веков н. э. следует отдать предпочтение по сравнению с собственно эллинистическим периодом не только потому, что она непосредственно предшествует раннесредневековой культуре. Будучи органическим продолжением собственно эллинистической культуры, она внесла много нового, которое могло быть использовано в дальнейшем.

Культуру первых веков н. э. нельзя рассматривать в отрыве от римской культуры. По всем данным видно, что в формировании раннесредневековой культуры Армении должна учитываться роль не только самого Рима, но и провинций, в первую очередь римской Сирии и Малой Азии, а также роль соседнего Двуречья, не стоявшего в стороне от римского влияния. Трудно переоценить значение римских мучеников для понимания плановых особенностей памятников типа Рипсиме, значение памятников архитектуры и мемориальных построек римской и христианской Сирии для раннесредневековой Армении.

То же самое относится к Двуречью. Особое место в этом плане занимает город Хатра, расцвет которого падает на первые века н. э. Не говоря о частном формальном совпадении—один из правителей династии Хатры носит имя Санатрук, полностью совпадающее с именем почти современного ему армянского царя,—есть целый ряд интересных сходжений в области архитектуры, скульптуры и др. (с их учетом в новом свете предстает связь между общепозвестными лицами или масками на стенах дворца Хатры и такими же рельефными украшениями Ахтамарского храма). Характерное для армянской архитектуры сочетание фронтона с аркой, встречающееся на разных фасадах или на дверях, порталах, возможно, восходит именно к образцам Хатры. Если в армянской средневековой архитектуре упомянутые элементы уже образуют органический сплав, то в Хатре, например в храме Шахиру, их сочетание еще эклектично, это механическое соединение греко-римских и местных начал³³.

В заключение—о связях между схемой организации городской территории Хатры и раннесредневековым поселением Звартноц. И там и тут обводные стены имели форму круга или приближающуюся к кругу, а

³³ Там же, с. 174. Фронтон и окно с полуциркульным завершением встречаются по отдельности и в античной Армении—на языческом храме и восточной стене жилой части дворца в Гарни. См. А. А. Саициан. Значение архитектурных сооружений крепости Гарни в деле формирования армянской архитектуры раннехристианского времени (IV—V вв.).—Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Ереван, 1980, с. 69—71.

центром был дворцово-храмовый комплекс³⁴. К тому же влияние античности в Звартноце прослеживается в сводчатых залах, в особенностях устройства виноградных давилен и бани. Уже давно было высказано мнение об эллинистическом характере скульптурных изображений орлов; эта мысль находит подтверждение в аналогичных скульптурах античной Сирии и Двуречья, в том числе Хатры.

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՎԱՂ ՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ
ԱՆՏԻԿ ԱԿՈՒՆՔՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

(ըստ հնագիտական տվյալների)

Դ. Ա. ՏԻՐԱՅՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Հայաստանի անտիկ դարաշրջանի հնագիտական ուսումնասիրությունը թույլ է տալիս առաջ քաշել հայկական վաղ միջնադարյան մշակույթի ակունքների հարցը: Չնայած վաղ միջնադարյան մշակույթի միանգամայն նոր ու ինքնուրույն կերպարին, այն որոշակի կապեր է դրսևորում նախորդ՝ անտիկ ժամանակաշրջանի հետ: Դրանք նկատվում են նյութական մշակույթի ու քաղաքակրթության, ճարտարապետության ու արվեստի տարբեր բնագավառներում: Ուշադրության արժանի է այն հանգամանքը, որ վաղ միջնադարյան մշակութային երևույթները առնչվում են ոչ այնքան անտիկ դարաշրջանի բուն հելլենիստական փուլի (մ. թ. ա. III—I դդ.), որքան մ. թ. առաջին դարերի մշակույթի հետ, ոչ միայն այն պատճառով, որ վերջինս անմիջականորեն է նախորդում վաղ միջնադարին, այլ նաև այն, որ Հայաստանի մ. թ. առաջին դարերի մշակույթը հանդես է գալիս նորանոր նվաճումներով հարստացած:

34 Г. А. Кошеленко, А. А. Копян. Градостроительство Армении и градостроительство Парфии.—II Международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван, 1978, с. 8.